

Эрих РАЙТЕР

ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Идея Объединенной Европы оправдывает себя прежде всего в том случае, если Европа воспринимается как воплощение свободно-демократического общественного порядка, ибо он не только предоставляет возможность эволюционного развития самого общества, но и обеспечивает прогресс и достойную жизнь.

Уже в ходе предыдущего этапа развития Европейского Союза была достигнута высокая степень интеграции стран-членов, в результате которой прежнее соперничество западноевропейских держав хотя и не было полностью изжито, но все же оказалось в значительной мере снижено и помещено в цивилизованные рамки. После того как начиная с 1989–90 гг. ослабло воздействие, способствовавшее сплоченности западных демократий, возникла опасность ренационализации политики во всей Европе. Экспертов по проблемам политики безопасности бросает в дрожь уже от одной мысли о том, какие ситуации в деле создания новых союзов в Западной, Центральной и Восточной Европе оказались бы возможными за последние годы, не будь ЕС, и к какой напряженности это могло бы привести уже сегодня.

Исходная ситуация на пути к большой Европе

Политико-экономическая победа Запада и поражение “реального” социализма создают, как и прежде, ситуацию, позволяющую выдвинуть самые смелые цели и в то же время отдать предпочтение развитию идей и концепций целесообразности Объединенной Европы.

Данные размышления основываются на том, что, хотя западноевропейское государство благосостояния оказалось более совершенным по сравнению с социалистическим централизованным государством, оно, в свою очередь, обнаруживает пределы возможностей в решении современных проблем. Государство благосостояния, дитя западного социализма, превращается из надежды в угрозу. Так, с ним сопряжена все более возрастающая роль государства в экономике. Государственное руководство конъюнктурно разрослось до уровня “всеполномочного” правительства. Сфера социального обеспечения опять-таки породила сверхмощный слой бюрократии. Даже после крушения восточного “реального” социализма европейская социальная история свидетельствует о преобладающей роли государственной экономической политики и государственной собственности, растущих налогах и чрезмерно щедрой социальной политике.

Эрих Райтер, доктор наук, заведующий военно-научным отделом Министерства обороны Австрии, уполномоченный по стратегическим исследованиям.

Напротив, никак не обеспечивается рост возможностей для более весомой личной хозяйственной инициативы и политического участия.

Социально-экономический вызов государства благосостояния заключается прежде всего в феномене растущей безработицы, которая наблюдается, несмотря на экономический

рост и вопреки повышающемуся уровню занятости всего населения на основе возросшей склонности к труду. Постепенно возникает новый “нижний класс”, категория граждан “второго сорта”, которые, несмотря на готовность трудиться, не только не вовлечены в трудовой процесс, но зависят от благотворительного отношения со стороны имущих. Именно здесь со всей очевидностью проявляются пределы возможностей социального государства.

Таким образом, если говорить о государственной организации Объединенной Европы, то, с одной стороны, следует выяснить, является ли модель современного западного социального государства благосостояния подходящей основой для будущего или же следует развивать новые модели государственного строительства на базе федеративного и регионального устройства. Однако, с другой стороны, размышляя об “идеальной” Объединенной Европе, нельзя игнорировать реальность, которая утвердилась в годы “холодной войны” в облике сегодняшней Европы ЕС. Она представляет собой систему ценностей западной демократии, а также культурный элемент Европы. Поэтому ЕС является импульсным ядром для создания более широкой Объединенной Европы, а не просто какой-нибудь еще одной спекуляцией о некоей “иной” Европе.

В связи с этим следует рассмотреть два аспекта: во-первых, видимо, ни один путь к Объединенной Европе не ведет в обход ЕС. Во-вторых, если на базе нынешнего ЕС некогда сможет возникнуть более “хорошая” Европа, то необходимо разрабатывать концепции дальнейшего развития ЕС. Ведь ЕС – это результат того, что делают или уже сделали его члены, и это поддается дальнейшему развитию.

Почему следует стремиться к Объединенной Европе. Объединенная Европа с экономической точки зрения (= Европа целесообразности)

С экономической точки зрения необходимость Объединенной Европы продиктована двумя причинами. Во-первых, европейским странам как сообществу, существующему в условиях мировой конкуренции в области экономики и технологий, надлежит обеспечить возможность утвердиться в соревновании с другими экономическими державами (США, Японией, а также динамично развивающимися государствами Юго-Восточной Азии). Во-вторых, собственное экономическое благополучие отдельных стран зависит от беспрепятственного доступа к емким рынкам сбыта. Это особенно касается малых высокоразвитых и зависимых от экспорта стран, типа Австрии.

Важное значение для отдельных государств имеет сотрудничество с ЕС, участие в исследовательских программах и технологических проектах Сообщества.

Особого внимания и чуткого отношения требует такая сфера, как транспортная политика. При этом очевидно, что и здесь стремление совместно преодолевать трудности является более целесообразным, нежели попытки решить транспортные проблемы в рамках каждого отдельного государства. Это же касается обеспечения достаточного энергоснабжения, а также поставок сырья для всей Европы. Что касается политики в области науки и технологий, то следует отметить, что крупные научные достижения европейских государств, к примеру, в области исследования космоса, возможны лишь при объединении их усилий. Это же касается и таких направлений, как санация, или модернизация, или даже закрытие ненадежных восточноевропейских (особенно находящихся на территории бывшего СССР) атомных электростанций, что возможно лишь при техническом и финансовом участии и принятии соответствующих энергополитических мер со стороны европейского Сообщества.

Объединенная Европа как фактор решения экологических и общественно-эволюционных проблем (= эволюционная Европа)

Если обратиться к крупным проблемам современности, то среди них на первом месте стоит вопрос охраны окружающей среды. Последняя экологическая катастрофа, порожденная проникновением цианистых соединений из прохудившегося очистного бассейна золотодобывающего предприятия в Байя Маре на северо-западе Румынии – это трагическое подтверждение того факта, что государственные границы не являются препятствием для экологических катаклизмов. Ядовитая смесь отравила реки Сомму, Тиссу, Дунай на общей протяженности в 700 км. Размер долгосрочного ущерба, нанесенного прилегающим государствам: Румынии, Венгрии, Сербии и Украине, – не поддается оценкам.

Пессимистически-запретительные взгляды, существующие в некоторых группах экологов, являются зачастую не их собственными убеждениями, а скорее результатом их соглашательства в ходе контактов с определенными политическими силами. Теперь шаблоном узкого понимания проблематики охраны окружающей среды необходимо противопоставить оптимистически-эволюционную альтернативу. Перед лицом игнорирующих государственные границы континентальных и отчасти глобальных экологических угроз следует заменить точечные одномерные подходы глубоким цельным мышлением, преодолеть противоречие между охраной окружающей среды и бережным отношением к ресурсам, с одной стороны, и идеологией прогресса, с другой. Необходим синтез охраны окружающей среды с волей к прогрессу. Причем само преодоление может заключаться не только в упрощенных плакатных лозунгах типа “экологическое рыночное хозяйство”. Необходимо в большей мере представить, какое значение для развития человеческой культуры и цивилизации имеет мышление в категориях прогресса и развития технологий и какие предпосылки для физического и духовно-психического развития человека необходимо создать с целью гармонизации обоих названных компонентов. Ведь имеют место порочные варианты развития, угрожающие жизни многих видов на нашей планете, включая и самого человека. Ключевые аспекты известны: сокращение плодородных земель, исчезновение лесов, окисление почв и водоемов, парниковый эффект со всеми его рисками для глобального климата, разрушение озонового слоя и проникновение ядовитых субстанций в пищу и почвенные воды.

Перед лицом этих опасностей должно прийти понимание того, что невозможно отделить экономическое развитие от проблем экологии. Развитие многих видов живых существ проходило за счет потребления природных ресурсов. Этот замкнутый круг, который во многих местах состоит из возрастающей бедности и усиливающегося разрушения окружающей среды, порождает вопрос, каким образом население планеты, превышающее 6 млрд. человек (что в четыре раза больше, чем было еще 100 лет назад), может довольствоваться или найти равновесие с прежней по объему окружающей средой.

Очевидно, решающим на пути поиска нового является понимание того, что экологический кризис, кризис развития и энергетический кризис представляют собой в конечном счете одно и то же. Необходимо осознать и то, что быстро возрастает не только хозяйственно-экономическая, но и экологическая взаимозависимость между народами. Особенно легкомысленным и даже преступным было бы пренебрегать проблемами менее развитых стран и верить в то, что экологические проблемы промышленно развитых стран можно решить отдельно и более просто.

Наряду с замкнутым кругом бедности и разрушением окружающей среды в развивающихся странах наш мир переживает также и проблему взрывного роста населения Земли. Этому сопутствует, с учетом притязаний на большую долю участия в благосостоянии, обострение проблемы нехватки ресурсов как результат роста народонаселения в этих странах, которое требует увеличения основных продуктов питания и возможностей труда. В конечном счете все это ведет к неизбежному обострению названных ранее тенденций пагубного развития в области экологии.

Однако вследствие низких стандартов демократии в большинстве развивающихся стран они вновь и вновь будут порождать социальные конфликты и напряженность в области политики безопасности и выплескивать их на более развитый мир.

Учитывая сказанное, представляется излишним воспринимать всерьез сохранение национальной самостоятельности как альтернативу для развития европейской государственности. Более того, можно говорить – пусть это еще и абсолютная утопия – о всемирном государстве.

Объединенная Европа с культурной точки зрения (= идеальная Европа)

Культурологи-пессимисты и евроскептики склонны к тому, чтобы изображать устрашающую картину заката в едином культурном конгломерате. Этому противостоит двухтысячелетнее наследие западно-христианской традиции, достижения и идеи которой по сей день оказывают колоссальное влияние на все страны и общества мира. Несмотря на различие языков, в Европе возникла определенная взаимозависимость духовных течений, которую на протяжении всех столетий не смогли разрушить катастрофы, жестокие войны, преобразования и подавления.

Вместе с утратой имперского влияния в мире (самое позднее – после Второй мировой войны) возникло ощущение технологического отставания сначала в сравнении с США, а затем и Японии. Конечно же, позиции привычного превосходства утрачены, а определенный страх перед будущим понятен. Учитывая эти обстоятельства, мы не можем игнорировать культурный парадокс логики европейской интеграции, который состоит в следующем:

- только большая и конкурентоспособная Европа жизнеспособна;
- только путем создания широкого базиса в качестве предпосылки духовной и тем самым экономической конкурентоспособности можно обеспечить дальнейшее существование уникальной культурной мозаики Европы;
- только сохранение целого посредством создания рамочных условий открывает шанс для нового расцвета культур регионов и национальных особенностей во всем их многообразии.

Европа черпает свою силу и мощь в многообразии. Однако это не должно подталкивать к превратному выводу о том, будто бы она должна оставаться неединой. В Объединенной Европе следует не устранять различия, а объединять многообразие. Мирный порядок и ценностная ориентация Европы не должны подменить идентичность европейских народов и наций. Они должны создать возводимое над старыми нациями дополнительное *европейство*. Однако так как лишь большая Европа может быть конкурентоспособной и жизнеспособной – причем под жизнеспособностью подразумевается не прозябание, а реализация руководящей роли в мире, – то точно также и европейские нации и народы с их культурами могут выжить лишь внутри более крупной Объединенной Европы. Только в рамках большой Европы могут и дальше процветать сегодняшние культурные нации и региональные элементы во всем их многообразии.

Объединенная Европа с точки зрения политики безопасности и как геополитический фактор (= Европа реалий)

После краха коммунизма следовало бы предложить Европе и миру новую концепцию мирового устройства. Ведь редко когда случалось, чтобы конец эпохи был обозначен столь четко, как это имело место в период, который мы упрощенно называем периодом “холодной войны”.

Однако на мировом уровне еще проявляется недостаточно воли к действиям, нацеленным на создание нового мирового порядка с точки зрения политики безопасности. Следует обратить внимание на необходимость разработки перспективных планов и концепций нового миропорядка, который бы опирался не на гегемонистские представления, исполнение роли мирового полицейского и наращивание гонки вооружений. Эти концепции нуждаются в реалистической оценке и должны быть приемлемыми для крупных держав. Выдвинутые такие предложения были бы интеллектуальным вызовом времени.

В период, когда наблюдается регионализация политики безопасности, когда снова возрастает роль региональных (великих) держав, подобные предложения должны стать принципиальными концепциями интеграции Европы для сдерживания потенциала национальных конфликтов и для поддержки демократического развития в Восточной Европе. Европейская и национальная политика должны быть согласованы, поскольку вопрос безопасности отдельного государства зависит от общего положения. Если понимать дело таким образом, то Европа должна быть сообществом, где кроме мира и благосостояния оберегаются также наши свободо-демократические «европейские» ценности.

После преодоления раскола Европы был создан шанс распространить на Восток возникшую на Западе континента в результате европейской интеграции зону стабильности, чтобы преодолеть национальное соперничество и, учитывая наблюдаемую сегодня тенденцию к ренационализации политики безопасности, предотвратить угрожающий откат Европы к условиям многополярной, обьятой конфликтами межгосударственной системы прежних столетий. Для этого необходимо создать заслуживающую это название *европейскую систему безопасности*.

Ее ядром должен был бы стать союз в области обороны и безопасности, состоящий из западноевропейских стран, цивилизованных и умиротворенных государств, которые всерьез намерены оставить друг друга в покое, взаимно признать неизменяемость границ и сфер влияния друг друга. Между партнерами этого ядра больше не может быть серьезных конфликтов, которые должны потерять свою практическую значимость ввиду общей надстроенной целеустановки. У партнеров должна быть общая основа для интереса. Общие экономические и торговые интересы, а также заинтересованность в сохранении специфической цивилизации могли бы стать тем базисом, который будет способствовать развитию общей заинтересованности в стабильности и порядке в Европе, а также в привнесении мира и стабильности в граничащие регионы и в сохранении глобальной системы безопасности. Западноевропейский союз в сфере безопасности и обороны мог бы одновременно являться региональной структурой, включающей большое пространство Европы, регион Средиземноморья, Ближний Восток, которая была бы в состоянии урегулировать конфликты собственными силами.

Европейская дееспособность на основе общего, осознаваемого в качестве такового, интереса может, очевидно, проявиться только в рамках одной европейской организации. Из этого следует, что ЕС или/ и ЗЕС должны были бы стать ядром европейской структуры (*европейского союза безопасности*), которая оставалась бы тесно переплетенной с НАТО или же заново была переплетена с ней. Таким образом, НАТО теперь уже стала бы глобально действующим союзом, не вовлеченным в решение региональных европейских задач. Строго говоря, она таковой всегда и являлась, поскольку ее региональные функции в Европе и Северной Америке были в период конфронтации Восток – Запад одновременно и глобальными функциями. Если смотреть таким образом, то образование самостоятельной европейской структуры безопасности заново определило бы функцию НАТО и при этом подчеркнуло важность ее глобальной целеустановки, что среди прочего могло бы выразиться в принятии в ее ряды некоторых новых внеевропейских членов, например Японии, Австралии и т.д., а также дало бы новый смысл дальнейшему членству неевропейских государств, таких как

Турция. Ее целеустановкой наряду с коллективной обороной в чрезвычайной ситуации была бы глобальная защита жизненно важных интересов индустриально развитых стран.

Европейская структура на основе общих интересов может возникнуть лишь из ЕС, который уже на протяжении десятилетий умело примирял интересы и предотвращал конфликты среди своих членов. Теперь посредством реализации общей внешней политики и политики безопасности он должен стать оборонным сообществом и одновременно европейской силой поддержания (структурой) порядка.

Именно учитывая интересы безопасности, расширение ЕС должно происходить с большой осторожностью. Следует принимать лишь мирные, устойчивые демократии с признанными границами и функционирующей системой защиты прав меньшинств.

Европейская идентичность и география

ЕС, несомненно, еще не обладает идентичностью. Его смысл обосновывается ожиданием полезности и взаимозависимостью интересов. В условиях нынешнего кризиса восприятия (и одобрения) ЕС потребность его обоснования накладывает отпечаток на рассуждения о дальнейшем развитии Сообщества и его институтов. Однако Объединенная Европа как единое целое нуждается в политической идентичности, а не только в оправданности в качестве целевого союза.

Культурное наследие и исторические традиции будут играть важную роль в развитии европейской идентичности. Для этого Европа должна быть осознана как идейно-единая сущность (ценностное сообщество). Это побуждает не откладывать в долгий ящик ответ на вопрос о том, сколь далеко простирается Европа. Коллективная европейская идентичность (кто мы, европейцы?) будет утверждаться как через духовное родство, так и через отрицание (через различие между *нами* и *ними*).

Европейская идентичность нуждается, наконец, в представительстве в рамках общих, всеми признанных институтов, для чего нынешние органы ЕС еще недостаточны. Напротив, экономическое развитие в направлении образования европейского внутреннего рынка сопровождалось процессом отчуждения граждан от бюрократии ЕС. Еще предстоит оценить, будет ли, а если да, то как быстро, введение общей валюты (к тому же тоже не для всех членов) способствовать созданию хотя бы частично новой европейской идентичности.

Объединенной Европе понадобятся федеральные демократически легитимированные органы, которые будут полномочны осуществлять коллективные действия и одновременно представлять общее дело.

Формирование европейской идентичности зависит, на мой взгляд, не только от организации, но в особенности от “правильной” географии Объединенной Европы. Она создает базис общего восприятия на историко-культурной основе. Как было отмечено ранее, формирование европейской идентичности ни в коей мере не означает ликвидацию национальной идентичности. Более того, европейская идентичность должна в значительной степени опираться на нее.

Европейство как ценностное сообщество сможет охватить лишь ограниченное число культур и наций, чтобы общий культурный знаменатель не стал бы слишком малым. Поэтому необходимо найти “оптимальную” величину или, говоря иными словами, реализуемую Европу. Учитывая, что география Объединенной Европы как общего политического образования будет воздействовать идентичнообразующим способом, так называемый Запад должен послужить принципиальной ориентацией для географических границ идейно-политической Европы. Именно страны, несущие отпечаток греко-романской культуры и дальнейшего христианского развития античного наследия, зададут географические рамки ценностной Европы.

При этом не имеет принципиального значения проведение различий между католико-протестантским Западом, Центральной Европой и христианско-православной Восточной Европой. Восточная граница расширения ЕС отнюдь не должна совпадать с границами православной культуры. Румыния, как православно окрашенная страна, несомненно, является подходящим кандидатом на членство в Европейском Союзе. Что касается Турции, то это уже гораздо более проблематично. Здесь нужно учитывать и такой аспект, как величина населения. Можно ли представить себе Европу, в которой исламско-азиатская Турция, являясь страной с большим населением, уже хотя бы в силу этого когда-нибудь займет выдающееся место и будет обладать представительством в Объединенной Европе? Это не означает, что членство Турции в Европейском Союзе и Объединенной Европе принципиально отвергается. Следует, однако, помнить, что это существенно затруднит интеграционный процесс и путь к европейской идентичности. Ведь это совершенно разные вещи, когда например, турецкие иммигранты в Германии, находясь в европейском мире, очень быстро становятся хорошими европейцами, или же, напротив, когда крупную по численности населения страну, остающуюся в плену собственных традиций и культуры, пытаются превратить в европейское государство.

Европейское ценностное сообщество непременно предусматривает приверженность демократии, соблюдение основных прав и свобод человека, обеспечение прав меньшинств, безусловное уважение правового государства и признание свободного общественного устройства. Новые члены Европейского Союза и, позднее, Объединенной Европы должны не только выполнить эти предпосылки. Эти принципы должны быть там уже закреплены. Если рассматривать дело таким образом, то не только для Турции, но и для иного другого государства с переходной экономикой в Восточной и Южной Европе, в особенности для той или иной страны на Балканах, в обозримом будущем не будет, видимо, перспектив на вступление в ЕС.

Что касается России и других стран бывшего СССР, то здесь также возникает вопрос об их европейской идентичности или принадлежности к Объединенной Европе. Государства Центральной Азии в данном случае можно не принимать во внимание. В отношении республик Кавказа дело обстоит сложнее, поскольку Армения, как и Грузия, в значительной степени имеют сопричастность к Европе и европейской идентичности. Конечно, все это касается и прибалтийских стран, а также Молдавии. Для России же, Украины и Белоруссии эта проблема предстает особенно острой. Являются ли эти государства частью той Европы, которая была описана выше, или же они, прежде всего Россия, осознанно причисляют себя к евразийским странам с самодостаточной культурой? Что касается России, то здесь играет роль и фактор ее величины. Целесообразно ли вообще для существования и дальнейшего развития Европейского Союза стремиться к интеграции со столь огромной страной с таким количеством проблем? Однако решающим, несомненно, остается вопрос о том, хочет ли сама Россия принадлежать к Европе, а если да, то какое это имеет значение и в какой мере она хочет быть европейским государством.

На мой взгляд, неприемлем аргумент, предостерегающий, что слишком узкое определение Европы в политическом или культурном отношении создаст новый раскол Европы и таким образом будет продолжен раскол времен "холодной войны", только со смещением на Восток. Европу нельзя объединить как континент. Объединять следует лишь то, что подходит друг к другу. Искусственные государства, как Югославия или Советский Союз, сами продемонстрировали, что нет смысла объединять неподходящее. Географическое ограничение возможной политической Европы в названном выше культурно-историческом измерении не поделит Европу, а лишь выявит ее максимально возможные границы. Уже Объединенная Европа в этом измерении должна рассматриваться как отдаленная цель, а не как быстро реализуемый шаг. Что же касается цели создания более крупной Европы, то это выгля-

дит чрезмерным как с точки зрения реализуемости, так и с точки зрения фундамента идентичности для достаточного европейства.

Организация Объединенной Европы

Европейский Союз имеет сложную структуру. Наряду с существующими почти исключительно в форме кооперации второй и третьей опорами ЕС (= общая внешняя политика и политика в области безопасности, политика в области внутренних дел и юстиции), в материальном плане гораздо более весома первая опора (= Европейские сообщества, правовыми основами которых являются Парижский и Римский договоры, а также Единый Европейский Акт; конкретно это внутренний рынок и ставшие теперь “классическими” такие сферы политики, как аграрная и т. д.) состоит, с одной стороны, из кооперации, а с другой – из интеграции¹. Правительства сотрудничают, причем различные отдельные сферы политики интегрированы. Хотя государства не расстались со своим суверенитетом и сохранили самостоятельность и свободу в принятии решений, часть суверенитета передается интегрированной организации. Теперь в этих отдельных сферах национальные государства более не располагают непосредственной компетенцией. Компетенцией обладает Сообщество. Однако в рамках Сообщества в конечном итоге решает не интегративный орган, который в большей степени имел бы обязательства перед Сообществом (как, например, Комиссия), а кооперативный орган, Совет, в котором голосуют уполномоченные представители правительств государств-членов, которые только перед ними и несут ответственность.

Этот своеобразный и до сих пор уникальный институт ЕС характеризует комплексное сосуществование национальных, наднациональных и правительственно-кооперативных элементов. Это сложно, трудно, тяжело просматривается, и многим, вероятно, по этим причинам не совсем по душе. Более обозримой и простой была бы в отличие от этого федеративная структура, как в Швейцарии или в США. При этом проблематика центральноевропейского законодательства была бы передана Европейскому парламенту, а вопросы определенных областей – на исполнение центральноевропейского правительства. Остальные вопросы остались бы в компетенции современных европейских национальных государств, являющихся составной частью Европы. Это было бы не только просто и транспарентно, но и более демократично. Между тем таковым органом “негосударство”, вроде ЕС, не является. Если стремиться к демократизации институтов ЕС, то требуется совершить переход от доминирования кооперативных решений к интегративным. Тогда государства-члены непременно потеряют свое непосредственное воздействие на решения Сообщества. Они растворяются в Сообществе.

Комплекс договоров ЕС еще не образует конституцию в смысле демократически легитимированного и ориентированного на общее благо конституционного государства. ЕС также не располагает изначальной властью, есть лишь проистекающие из договоров полномочия. Таким образом, он не является самолегитимированным и не может дальше развиваться в конституционном плане. Это обнажает важную дилемму дальнейшего развития европейской интеграции.

С одной стороны, экономический колосс ЕС нуждается в политическом корсете. Тесное экономическое и финансово-политическое переплетение обуславливает необходимость проведения общей политики по сохранению рынка, правил конкуренции, валютной и финансовой политики и т. д. Так, например, может возникнуть необходимость оказать давле-

---

¹ Решающее новшество Амстердамского договора состоит в том, что вопросы, которые до сих пор регулировались в рамках третьей опоры, переводятся в рамки первой опоры, т.е. “обобществляются”. Это касается прежде всего мер, связанных с пересечением внешних границ, въездом и сотрудничеством правовых структур по гражданским вопросам.

ние на государство-участника или его правительство, чтобы оно проводило ориентированный на стабильность финансовый курс и своей безответственной бюджетной и кредитной политикой не ставило под угрозу общую стабильность Сообщества. Сколь много выгод для экономики может принести общая европейская валюта (снижение расходов, сокращение рисков на рынках), столь же большой ущерб общему европейскому хозяйству может нанести валюта недостаточно стабильная.

Валютный союз затрагивает очень глубокие политические сферы, предполагающие наличие честного принципиального консенсуса участников по целевым установкам финансовой и денежной политики, чтобы обеспечить их успех. Этот принципиальный консенсус должен быть также формально закреплен и его положения должны быть в экстренном случае обязательными к исполнению. В долгосрочной перспективе это возможно лишь при наличии центральной государственной власти.

Остроту дилеммы: с одной стороны, нуждаться в экономическом и валютном союзе, а с другой – бояться связанных с этим последствий европейской государственности – можно было бы смягчить новым государственным образованием, ставящим своей целью достижение нового качества государственной федерации.

Федерация Европа

Федерализм как организационный принцип должен означать, что центральный европейский уровень обладает компетенцией по вопросам внешней безопасности, правовых гарантий, соблюдения правил конкуренции, стабильного функционирования рынка и валютных вопросов, а также по ряду других важных для функционирования общего рынка вопросов, которые нужно бы определить отдельно. Сюда следовало бы отнести основные направления и содействие развитию научно-технической политики, а также высшие суды на европейском уровне. По отдельным проблемам можно дискутировать. Все остальные вопросы находились бы в компетенции государств-членов. Региональные и местные отношения они должны регулировать самостоятельно.

Федерализм через пространственное деление и децентрализацию обеспечивает максимальное политическое участие, поскольку принятие решений в значительной мере смещается вниз. Это противодействует также тенденциям к унификации и нежелательным устремлениям к перераспределению, которые могли бы перенести модель центральноуправляемого социального государства благосостояния на Европу.

Вероятно, нет в наличии полностью адекватной модели для федеративной Европы, имеются лишь указания на примеры. Это, в частности, Швейцария, но отнюдь не псевдофедерализм Германии и уж ни в коей мере не необоснованно называемая федеративной государственная модель Австрии, с ее федеральными землями, в действительности не обладающими государственным качеством, или же австро-венгерский дуализм.

Центральным пунктом строительства федеративной структуры в любом случае является, на мой взгляд, предотвращение строительства центрального управления. Реализация и управление в принципиальном плане должны быть предоставлены национальной бюрократии.

Сеть договоров ЕС следовало бы заменить конституцией, которая делала бы Европу единым действующим лицом в международных отношениях (центральная компетенция по вопросам внешней политики, политики безопасности, обороны, торговой политики). При этом следует перепроверить полномочия ЕС и вернуть часть из них “национальным госу-

дарствам” в духе принципов субсидиарности¹ и федерализма, осуществить полный пересмотр договоров Сообщества в рамках конституционного процесса.

Национальные государства и новые федеративные уровни должны иметь самостоятельную формообразующую и конституционную власть, т. е. Германия, например, как федеративное государство является частью Европы, а Франция, напротив, остается унитарным государством, если она того хочет. Однако необходимо иметь федеративную конституцию для обеспечения надгосударственного регионализма, и уж во всяком случае культурного плюрализма, внутри национальных государств (права меньшинств).

Сотрудничество регионов тоже должно быть возможно через государственные границы, когда общины, административные округа (провинции) или другие административные единицы (земли, кантоны) могли бы развивать наднациональные связи в области экономики, культуры или суверенного вида.

Права этнических меньшинств должны быть определены в федеративной конституции (европейское право народных групп) и их нарушения подлежат обжалованию в одной из европейских инстанций.

Конечно, необходима долгосрочная перспектива, чтобы реализовать подобную Объединенную Европу как новую федерацию, как это было описано выше. Она может функционировать только на основе самолегитимированного европейского уровня, поскольку ее существование должно быть прочным и в состоянии отстаивать общеевропейские интересы независимо от национальных амбиций.

---

¹ Субсидиарность – разделение полномочий и ответственности между разными уровнями власти и управления.